

мія жизни и духа явственны для насъ, когда, упоминая сразу о трехъ національностяхъ, говорятъ намъ, что то былъ „учитель французскаго языка, русскій полякъ“ и что на вечерѣ у него былъ „парадный чай съ сладкими печеніями, а потомъ сѣли за нѣсколько столовъ въ винтъ“.

Но еще дороже, конечно, то, что, проникнувъ въ чловѣческую душу, заглянувъ въ нее по одному поводу, Толстой уже озираетъ ее всю, и съ даннаго, опредѣленнаго пункта въ безконечную глубь и даль раскрываются передъ нимъ все новыя и новыя перспективы, — какія-то душевныя анфилады. Такъ, обидѣлъ Евгений Михайловичъ свою жену, некрасивую, добрую, „въ митенкахъ, съ опухшими сочлененіями пальцевъ“, назвалъ ее „комильфотной душой“ (только что она выразилась про гимназиста: „комильфотный“); и вотъ ушла бѣдная женщина въ свою комнату и отъ нарастающей обиды стала оглядывать всю свою жизнь и всю свою душу, тянуть все дальше и дальше тяжелую нить размышленія: она вспомнила „какъ ея семья не хотѣла выдавать ее замужъ, считая ея мужа гораздо ниже по положенію, и какъ она одна настояла на этомъ бракѣ, вспоминала про своего умершаго ребенка, равнодушіе мужа къ этой потерѣ, и возненавидѣла мужа такъ, что подумала о томъ, какъ бы хорошо было, если бы онъ умеръ. Но, подумавъ это, она испугалась своихъ чувствъ и поторопилась одѣться и уйти“. Или другая женщина: когда убили ея мужа, то